Глава 0707: Решение о долевом участии, долг по оплате, убийство, чтобы заплатить за свою жизнь.

Бежишь?

Ты куда?

"Ты, должно быть, потомок какого-то потерпевшего кораблекрушение человека, ты здесь для мести? Убьешь меня, я не боюсь умереть, давай, возьми нож и убей меня!" Мицуо Хирано заговорил, пытаясь встать, но, в конце концов, потерпел неудачу.

Нинг Тао хладнокровно засмеялся: "Я хочу убить тебя, но не здесь". Я заключу с тобой договор об искуплении, ты подпишешь его, и я убью тебя".

"Завет об искуплении"? Не смей!" Из-за волнения губы Хирано Мицуо дрожали: "Это, это война... Я выполнял приказы Императора, я не сделал ничего плохого! Если ты хочешь убить меня, сделай это сейчас, я никогда не подпишу за тебя никакого искупления!"

Нин Тао хладнокровно сказал: "Выполнять приказы императора? Говорю тебе, Хирохито рано умер, и если он сейчас еще жив, я убью его, как посчитаю нужным!"

"Высокомерие"! Козёл! Чудовище! Когда император начал войну против Китая, я подумал, что это правильно! Ты заслуживаешь быть уничтоженным!" Хирано Мицуко выглядел сумасшедшим. Народ его поколения относился к императору как к богу, как они могли позволить китайскому ребенку оскорблять их?

Нин Тао, однако, засмеялся: "Идиот, как ты думаешь, твой сын, внук, тяжелый внук и твой внук - вот зачем они пришли к тебе? Как ты сюда попал? В моих глазах, даже как император, это сверчок, который может быть зажат до смерти с досягаемостью".

Хирано Мицуо кое-что понял в этот момент и поспешно пошевелил глазами, чтобы посмотреть на своего тяжелого внука.

Нин Тао повернулся, а Ян Шэн сказала: "Иди сюда"!

Вспыхнули силуэты, и во дворе появились отец и сын клана Инь и Мягкий Небесный Голос.

Когда Хирано Кумэн увидел Инь Рэндзи с первого взгляда, казалось, что утопающий схватил спасательный жилет и с волнением сказал: "Инь, Инь-сан, быстро, быстро схватите этого человека!"

Однако Инь Рэньцзе и Инь Сюй даже не двигались, а отец и сын смотрели на Хирано Гуанминь без малейшего выражения лица, а глаза были холодными до предела.

Нин Тао сказал: "Хирано Гуанмин, ты что, не понимаешь? У тебя нет выбора".

"Инь-сан, вы, ребята....." Хирано Мицуо, кажется, наконец-то понял.

Нинг Тао сказал: "Он не подпишет мой договор об искуплении, что вы, ребята, видите?"

Вот почему он "упаковывает"; девяносто летний мужчина прожил достаточно долго, чтобы не бояться смерти, и можно ожидать, что он не подпишет контракт на выписку рецепта ради так называемой чести и веры. Вот почему он хотел "обернуть" подарок.

Инь Иск привел сюда всю семью Хирано с одной целью - заставить Хирано Мицуо Мина подписать искупление.

Однако, когда он пришел, Нин Тао обнаружил, что семья не вся была злой и плохой, сын был хорошим, внук был хорошим, а трехлетний был невиновен, поэтому он ударил первым, чтобы оглушить этих троих людей. То, что он собирался сделать дальше, все-таки было кровавым и не должно было быть видно ребенку.

Тем не менее, не имело значения, если он должен был бороться с кем-то вроде Хирано Канеки, но он не мог бороться с тремя другими людьми. Если он причинял боль даже женщинам и детям с хорошими мыслями и заслугами, то чем он отличался от такого человека, как Мицуо Хирано? Следующее, что он хотел удержать в заложниках, это не вмешиваться, поэтому он позвонил отцу и сыну семьи Инь.

Инь Сюнь холодно сказал: "Хирано Кумэнь, ты мертв в любом случае, есть большая разница между подписанием, чтобы умереть, и не подписание, чтобы умереть, ты знаешь, что это такое? Разница, говорю тебе, в том, что ты подписываешь его и умираешь в одиночестве, но если ты не подпишешь его, никто из твоей семьи Хирано не будет жить".

Хирано Митоси был сбит с толку.

"Похоже, ты не веришь в то, что я говорю, я сначала убью твоего внука". Инь Иск вытащил свой меч и сделал большой шаг навстречу "Хирано Стилвуд". Он подошел к Хирано Канеки и, не задумываясь, проткнул мечом маленький живот Хирано Канеки.

Хирано Канеки, который уже упал в обморок, был разбужен болью, вызванной мечом.

Но Инь Сюнь не испытывал ни малейшего сочувствия, не говоря уже о том, что он не был бы мягким, а за один удар острым лезвием меча у него отняли несколько пальцев. Потом он вонзил меч в грудь Хирано Стилвуда.

"Нет - я подписываю!" Митоси Хирано сломался.

Инь Сюнь вернул свой меч в ножны и вернулся на сторону Нин Тао: "Теперь наша очередь, мы всё сделали, где открывающая мотыга?"

Нинг Тао сказал: "Я отдам его тебе позже, я возьму эти два сначала".

Что еще хотел сказать Инь Иск, но был остановлен взглядом Инь Рэндзи.

Инь Рэндзи сказал: "Даосист Нин, эта семья будет в порядке, независимо от того, как ты с этим справишься".

"Я просто хочу этих двоих". Нин Тао подошёл к Хирано Гангму, схватил одну из рук Хирано Гангму и потащил его в Холл Будды.

"Ву...ву...ву..." плакал Хирано Стилвуд, но голос у него был очень слабый. Раньше он был навязчивым, но теперь он был похож на собаку с несколькими сломанными ногами. И без языка, без зубов.

После того, как Нин Тао затащил Хирано Стальное дерево в Зал Будды, он перевернулся назад и затащил Хирано Гуанмин в Зал Будды, а затем сказал Мягкому Тянь Иню: "Тянь Инь, ты

охраняешь снаружи и никого не пускаешь внутрь".

"Хмм." Мягкий Небесный Голос стоял перед дверью Зала Будды и развязал оружие Дхармы, которое сидело на его плече. Этот взгляд бдительности и серьезности действительно имел прикосновение женщины-охранника.

Во дворе Инь Сюэ понизил голос: "Отец, обманщик ли он?".

Инь Рэндзи слегка ворчал: "Знаешь, почему ты не так хорош, как он? Тебе не хватает мужества и смекалки, как у него. Его женщина все еще здесь, о чем ты беспокоишься?"

В глазах Инь Сюэ вспыхнул проблеск недовольного божественного света, он был явно неубедительным, но не осмеливался говорить в ответ.

В то же время Нин Тао привез Хирано Мицуо и Хирано Гангму в Медицинский Зал Небесного Дао.

В медицинском зале Небесного Дао царила тишина, дым в доброжелательной штативе закрутился, а у человека на штативе было яростное выражение лица. Этот разгневанный взгляд создал впечатление, что это лицо в следующую секунду взлетит на воздух из горшка добра и зла, а затем разорвет на части Хирано Мицуо и Хирано Мастера Стального Дерева, а также внука!

Даже если бы вошло единственное крыло, лица на добром и злом попурри не были так взволнованы, и можно было представить, насколько глубоки были злые помыслы и грехи на теле Хирано Мицуо!

Нин Тао также не заботился о Хирано Гангму, и пришел на сторону Хирано Кумэна с бухгалтерской книгой бамбукового джейна в руке.

"Это... что это?" Хирано Кумэн очень нервничал и во время разговора смотрел на человеческое лицо на Добром и Злом Триподе оставшимся светом глаз, но в тот момент, когда он встретил глаза этого человека, он вдруг в панике отступил и отошел от своего взгляда.

Нинг Тао взял бамбуковый набросок бухгалтерской книги, чтобы проверить диагноз "что".

Диагноз фигурирует в бамбуковой книге: Мицуаки Хирано, родившийся в ноябре 1928 года, человек с человеческим лицом и животным сердцем, и непростительное зло. Список грехов, ведение войны, неизбирательные убийства, зверства, насильственное хранение, распутство... Жены и дочери мужчин и женщин, всего 21223 точки злых мыслей и грехов. Завет может быть предписан для злых помыслов, обезглавлен и клеймён для искупления грехов, и душа может быть уничтожена и никогда не перевернута.

Отсечь голову и вырвать сердце - жестокий способ искупить свою вину, но даже при этом, увидев различные пороки Хирано Мицуо, Нин Тао все еще чувствует, что воспользовался старой собакой. Единственное, что стерлось с души, это то, что она заставляет его чувствовать себя немного более комфортно, эта старая собака не будет иметь загробной жизни.

Этот диагноз также удивил Нинг Дао, то есть такое большое количество злых мыслей и грехов не являются злыми лидерами. Несколько лиц пришли ему в голову, Тан Тяньрен, Бай Шенг, и одно крыло, и он не мог не размышлять в своем сердце ", может ли быть, что злые цари судят не по количеству злых мыслей и грехов, а по другому стандарту? Это связано с Дэном по поиску предков или чем-то еще..."

"Спасите моего внука, пожалуйста." Голос Хирано Мицуо прервал рассуждения Нинга Тао.

Нин Тао собрал бамбуковый набросок бухгалтерской книги, вытащил рецепт для подписания рецепта на злые помыслы и грехи, и во время его написания сказал: "Чем скорее ты подпишешь исповедь, тем скорее твой внук будет лечиться".

"Ты пишешь, он... он умирает." Хирано Мицу подавился: "Неважно, умру ли я, он, он еще молод, его дети еще молоды и не могут жить без отца".

Нин Тао слабо сказал: "Те отцы и матери, чьи дети были убиты тобой, тоже были очень маленькими, они должны были умолять тебя, как ты это сделал?".

Нин Тао также не удосужился говорить с ним глупости, быстро прописав добрый рецепт злого ума, затем сложил его и положил на землю: "Подпишите его".

Все, что Хирано Митоси мог видеть, было полем подписи, а не содержимым, и он предварительно спросил: "Могу я посмотреть"?

"Могу я заколоть твоего внука?" Нинг Тао спросил риторически.

Хирано Мицуо больше нечего было сказать, подняв ручку, чтобы подписать свой рецепт злого ума.

Нинг Тао дал ему таблетку первичного рецепта: "Прими эту таблетку".

Хирано Кумэн положил Дэну Первичного Рецепта в рот и проглотил его, не забыв добавить: "Пожалуйста, спасите моего внука".

Зеленый дым вскочил и в мгновение ока проглотил Хирано Мицумина. В медицинском зале "Небесный Дао" также царила тишина, больше не было его голоса.

Нин Тао подошел к стороне Хирано Кумина с Бамбуковой книгой счетов и протянул руку, чтобы поставить Бамбуковую книгу счетов в сторону тела Хирано Кумина, но его рука замерла.

Точно так же, как он давал Хирано Коумину дурной рецепт, Хирано Коуки разорвал его.

Что, черт возьми, такое диагноз, когда люди мертвы.

Хирано Канеки, может быть, и не был виновен до смерти, но он был мертв, но разве это не карма?

Дым отступил, и появился Хирано Мицуо. Первоначально его глаза были закрыты, но когда Цин Смок вернулся в горшок добра и зла, он вдруг открыл глаза и проснулся необычайно быстро.

Эта ситуация также является первой в своем роде.

В прошлом, когда Нин Тао хотел казнить пациента, который должен был умереть, чтобы искупить свои грехи, эти пациенты были без сознания и умерли, ничего не чувствуя. Но Хирано Мицу-мин, очевидно, получил особое "лечение" и проснулся так рано, что ему нужно было столкнуться со всем, с чем он должен был столкнуться собственными глазами.

Нин Тао взял гильотину с полки и пошел по направлению к Хирано Гуанмин.

"Мой внук, ты обещал мне спасти моего внука....." Хирано Мицуо внезапно напрягся.

Нин Тао остановился перед Хирано Гуанмин: "Мне жаль, твой внук уже мертв и не может быть спасен, если ты хочешь винить его, ты сделал слишком много зла, возмездие на твоем внуке".

"Нет..." Хирано Кумэн издал гневный рев и безумно набросился на Нинг Тао: "Ты попадёшь к чёрту! Дьявол!"

Нинг Тао помахал рукой, и это была косая черта.

Голова падает в воздух и падает на землю.

Нин Тао проткнул Хирано Гуанмин еще одну резьбу в грудь, в то же время дымясь: "Всегда позволяй мне делать эту грязную работу!".

Человеческое лицо на Триподе Добра и Зла закрыло глаза, гнев исчез, и зеленый дым отступил, заменив его массой злого Ци, черного цвета, как чернила, белого Доброго Ци почти невидимого.

У вас неприятный запах изо рта, но потемнение неизбежно.

"А..." один из учеников Нинг Тао был черным, как чернила, работа, для выполнения которой изначально требовалось всего два разреза, и с рычанием он в третий раз помахал гильотиной и нарезал....

Один порез, два пореза.

http://tl.rulate.ru/book/29303/867983